

Абдурашитова Ш.Б. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «РАДОСТЬ» В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Слово «концепт» стало активно употребляться в лингвистической литературе с начала 90-х годов. Термин «концепт» по словам С. Г. Воркачева является «зонтиковым» [3, с. 42], он «покрывает» предметные области нескольких научных направлений, прежде всего лингвокультурологии и лингвокогнитологии. Представители лингвокультурологического направления (А. Вежбицкая, Н. Д. Арутюнова, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Ю. С. Степанов и др.) относят к числу концептов семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой, отражающие менталитет языковой личности определенной этнокультуры. Представители второго направления (Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин, А. П. Бабушкин, и др.) включают в число концептов лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания, формируя картину мира. Подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими. Лингвисты сходятся в том, что концепты являются единицами сознания, отражающими человеческий опыт.

В основу данного исследования положена следующая гипотеза: концепт – это единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой [3, с.51].

По мнению одного из виднейших психологов в области изучения эмоций К.Э. Изарда, эмоции являются одним из признаков человечности. «Не обладая эмоциями, то есть не умея испытывать радость и печаль, гнев и вину, мы не были бы в полной мере людьми. Не менее важна и наша способность сопереживать чужим эмоциям, способность к эмпатии, равно как и способность выразить эмоцию словами, рассказать о ней» [6, с.22]. Эмоциональные концепты привлекают внимание ученых (Шаховский В.И., Красавский Н.А., Мягкова Е.Ю., Борисов А.А., Дорффеева Н.В.), так как «языковая репрезентация данных концептов является значительной частью языковой картины мира» [4, с.11]. В данной работе мы обратимся к анализу концепта «радость», который является одним из базовых составляющих эмоциональной картины мира.

Целью работы является выявление лексических, фразеологических средств, описывающих концепт «радость» в крымскотатарском языке. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения данного эмоционального концепта для определения особенностей функционирования этнического языкового сознания. Новизна работы состоит в том, что концепт «радость» не исследовался на материале крымскотатарского языка.

При изучении концепта исследователи обращают особое внимание на объяснения базовой лексической репрезентации концепта в различных толковых словарях. В связи с отсутствием толкового словаря крымскотатарского языка мы ограничимся анализом текстового функционирования языковых репрезентаций концепта «радость».

Средством номинации эмоции «радость» в крымскотатарском языке являются лексемы *къуванч*, *нешэ*, *севинч*, *шадлыкъ* [8, с.163, 208, 246, 358]. Следует отметить, что в словаре синонимов крымскотатарского языка прослеживается тенденция к синонимизации понятий «радость» и «удовольствие»: *къуванч*, *хошнутлыкъ*, *шадлыкъ*, *севинч*, *нешэ*, *мемнюлик* [5, с.52]. Однако в области психологии отличают радость от удовольствия [6, с.147, 177]. Вопрос о синонимичности данных понятий требует тщательного рассмотрения в дальнейших работах.

С.Г.Воркачев отмечает, что семантическое описание наименований эмоций в силу недоступности их денотата прямому наблюдению, вызывает необходимость применения косвенных (например, метафорических) приемов толкования [3, с. 116]. Таким образом, исследуя метафорические средства, мы имеем возможность изучить особенности концептуализации радости в крымскотатарском языке.

Анализ лексической сочетаемости слов-репрезентантов концепта, проводимый на материале художественных текстов позволил выявить, что радость в крымскотатарском языке уподобляется огню: *Юзюнде севинч, шадлыкъ аляметлери парылдай, яна эди* [14, с.171]. *Его лицо выражало радость и веселье* [дословно: На лице сверкали, горели признаки радости, веселья]. *Адиленинь козьлерине бакъып, олар насыл бир къуванчнен янганларыны корьмек истей* [15, с.123]. *Он хотел увидеть, какой радостью горят глаза Адиле. Козьлеринде бахт ве къуванч учкъунлары учтылар* [15, с.124]. *В глазах отражались искорки счастья и радости.*

Иногда для радости характерно поведение, свойственное живым существам: *Оны къуванч дуйгъусы сарып алды* [15, с.52]. *Его/её охватило чувство радости. Алянень юрегинде къуванч догъды* [15, с.141]. *Радость переполнила сердце Али* [дословно: В сердце Али родилась радость].

Отметим, что радость в крымскотатарском языке связана с понятием жидкости. «Сосудом» наполнения этой жидкостью чаще всего является сердце: *Алимнинъ юрегине къуванч мельэми тэжюльген киби олды* [11, с.207]. На сердце Алима как будто вливался бальзам радости. *Шамратнынъ юрегине шеньлик шербети тэжюльген киби олды* [12, с.101]. На сердце Шамрата как будто влили шербет веселья.

Жидкость-радость так же может переполнять человека, его сердце: *Анасынэн тизеси арасында къурулып отургъан Сараны корип, къуванчындан толып-ташкъандай олды* [11, с.224]. Увидев Сару, сидящую между матерью и тётёй, его переполнила радость. *Бу себептен козь айдын сёзюни эшиткенинен, юреги къуванчкъа толып-ташты* [13, с.169]. От прекрасной вести, его/её сердце переполнилось радостью. *Ичим-багърым къуванчтан таша язгъан эди* [14, с.146]. Меня распирало чувство радости [дословно: Радость выливалась/разливалась из груди]. –*Сагъ ол, баба, бинъ йыл даа яша!* – *деди къуванчындан юреги толып-ташкъан Рустем* [11, с.340]. – Спасибо, отец, живи еще тысячу лет! – сказал Рустем с переполненным от радости сердцем.

Необходимо отметить, что сердце является не только «хранилищем» радости, но и непосредственно испытывает данную эмоцию. Например, *Баракалла, къызым, кене юрегимни къуwandырдынь* [13, с.114]. Молодец, дочь, ты вновь порадовала моё сердце. *Оларнынъ пенджересинде ярыкъ корьгенде юреги къуwandы, таиты* [14, с.151]. Его сердце переполнилось радостью, когда он увидел свет в их огне [дословно: Увидев свет в их окне, его сердце обрадовалось, вылилось]. Чувство, которое испытывает сердце, считается искренним: *Эмин Ниярнен бойле къолайлыкънен таныш олгъанына юректен къуwandы* [14, с.23]. Эмин от всего сердца обрадовался тому, что так легко познакомился с Ниярой.

Радость находится внутри человека, это постоянное место пребывания данной эмоции. *Бутюн дженк девиринде шеньлик корьмеген адамлар, багъырларында йылларнен сускъан къуwandчыларыны бир акъшамда чыкъармагъа тырыштылар* [13, с.75]. Люди, забывшие о веселье во время войны, за один вечер хотели испытать чувство радости, забытое за эти годы [дословно: Люди, не видевшие веселья во время войны, за один вечер хотели выпустить радость, притихшую в эти годы в груди].

Иногда радость настолько переполняет человека, что она не в состоянии удерживаться в груди: *Шимди исе багъырындаки къуwandч торбачыгъы ачылгъандыр* [13, с.239]. Сердце вздрогало от радости [дословно: А сейчас раскрылась торба/сумка радости, находящаяся в груди]. Радость начинает увеличиваться в объеме и уже не вмещается в груди: *Усеин акъай оларнынъ бу арекетине шу дедердже шадланды ки, багъырында сыгъмагъан севинчи къыртлагъында томарлангъан киби олды* [13, с.137]. Усеин до такой степени обрадовался их действиям, что его радость, не вмещавшаяся в груди, словно сжимала его горло [дословно: Усеин до такой степени обрадовался их действиям, что радость, не поместившаяся в его груди, словно скомкалась в гортани]. Также возникает вероятность того, что сердце взорвется из-за переполняющей радости: *Юреги къуwandчан патлайджакъ* [15, с.119]. Его сердце от радости готово разорваться.

Радость способна увеличиваться до бесконечности: *Ананынь къуwandчы дюнъягъа сыгъмады* [14, с.16]. Радость матери была безмерной [дословно: Радость матери не вместила в мир]. Сонь, сынъырсыз къуwandчан титреген эллеринен оны тапчандан алып, дудакъларына кетирди, манълайына сыйпады [11, с.376]. Затем, трясушимися от безмерной радости руками, схватил его/её с топчана, приблизил к губам, погладил лоб. Увеличиваясь, радость на определенном этапе и сама может стать сосудом, то есть человек может оказаться в ней: *Олар къуwandч делялети ве шадлыкъ ичинде олгъанларындан, сес-солукъ чыкъармакъ меджалында дегиль эдилер* [11, с.220]. Пребывая в веселье и радости, они не могли произнести ни звука.

Необходимо отметить, что радость, возрастая, как газоподобное вещество, в состоянии оторвать человека от земли: *Гульчехре къуwandчындан еди къат кокнинъ тѣпесинде эди* [13, с.132]. Гульчехре была на седьмом небе от радости. *Мен къуwandчимдан еди къат кокнинъ тѣпесинде эдим* [11, с.349]. Я от радости был на седьмом небе.

Признаки радости могут быть выявлены и во внешности человека, и в его поведении. Чаще всего наблюдать проявление радости можно на лице, в глазах человека: *Форсаланып отургъан Мустафанынь мавы козьлеринден, акъчиль бетинден джошкъунлыкъ, къуwandч, насылдыр бир тантаналы шадлыкъ фышкъырмакъта эди* [12, с.8]. Голубые глаза на бледном лице гордо сидящего Мустафы выражали восторг, радость и какое-то торжественное веселье [дословно: Из голубых глаз, бледного лица сидящего Мустафы, изливались восторг, радость, какое-то торжественное веселье]. *Козьлери къуwandчнен парылдадылар* [14, с.148]. Глаза светились радостью. Для радостного человека характерно покраснение кожи: *Эмине къулакъларынадже къызарды. Лякин бу ялынъыз утанув дегиль де, эм эеджан, эм къуwandч алямети эди* [14, с.114]. Эмине покраснела до ушей. Но это было не только смущение, это и признак волнения и радости. Данная эмоция также может вызывать слёзы: *Нияр севингенинден анасынынъ бойнундан къучакълады, къуwandчындан агълап йиберди* [14, с.180]. Нияра от радости обняла свою маму и заплакала.

У человека может появиться желание поделиться радостью: *Севингенимден, балалар, меним де бабам бар, деп багъыраджагъым, къуwandчимны эр кеске бильдиреджегим келе эди* [14, с.164]. От радости, ребята, мне хотелось кричать и всем сообщить о том, что и у меня есть отец. Можно отметить так же потерю контроля над собой: *Шамрат къуwandчындан акъылыны чылдыргъандай олды* [13, с.17]. Шамрат словно обезумел от радости. *Яхшы, чокъ яхшы! – деди севинчинден делиреязгъан Пестель ве челик тумбадан бир десте акъча чыкъарып, мырзагъа узатты: – Магъарыч! [11, с.404]. Хорошо, очень хорошо! – сказал, обезумевший от радости Пестель, и, достав из стальной тумбы деньги, протянул мурзе: Магарыч!*

Анализ лексической сочетаемости слов-репрезентантов концепта «радость» позволяет сделать следующие **выводы**: в силу абстрактности понятия радость для описания данного концепта используются метафоры. Основанием для метафорических переносов при описании концепта явилась способность человека соизмерять абстрактные сущности по своему образу и подобию или же по окружающим его объектам.

Радость в крымскотатарском языке уподобляется огню, воде и газоподобному веществу. Также для данной эмоции характерно человекоподобное поведение. Временным местом пребывания радости является сердце. Радость, возрастая, может покинуть свое месторасположение, так как имеет возможность увеличиваться до бесконечности. Признаки эмоции можно наблюдать и в поведении человека, и во внешности, особенно на лице.

Источники и литература

1. Аталар сѣзлери ве айтымлар. / Шевкет Асанов. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2002. – 184 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I–XII. – 780 с.

3. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
4. Ежова Н.Ф. Способы языковой репрезентации эмоциональных концептов в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2003. – № 2. – С. 10–21.
5. Девлетов Р.Р. Къырымтатар тили синонимлери. Лугъат. – Симферополь: ДОЛЯ нешрияты, 2002. – 112 с.
6. Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2006. – 464 с.
7. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
8. Крымскотатарско–русский словарь./ Сост.: Усеинов С.М. – Тернополь: СМНВП «Диалог», 1994. – 397 с.
9. Куркчи У. Сёз бирикмелери // Ёылдыз. – 1987. – № 1. – С. 127–135.
10. Куркчи У. Сёз бирикмелери // Ёылдыз. – 1987. – № 2. – С. 136–141.
11. Болат Ю. Алим: Роман. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1980. – 424 б.
12. Болат Ю. Анифе: Роман. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына бедий Эдебият нешрияты, 1969. – 320 б.
13. Болат Ю. Садакъбат: Роман. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына Эдебият ве санъат нешрияты, 1979. – 328 б.
14. Эдемова У. Баш язысы: Повесть ве икяелер. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1981. – 240 б.
15. Эмин С. Сенинъ ёылдызынъ: Роман. – Акъмесджит: Таврия, 1994. – 239 с.

Абибуллаева С.

«Кодекс Куманикус» – ПАМЯТНИК ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ КОНЦА XIII – НАЧАЛА XIV ВЕКОВ

Одним из письменных памятников куманских языков, в том числе и крымскотатарского, является рукопись «Кодекс Куманикус», составленная итальянскими, немецкими миссионерами и торговцами.

В византийских и латинских хрониках именем *куманы* (*команы*) обозначалось объединение тюркских племён, известное у восточных авторов под самоназванием *кыпчаки*; русские летописцы их называли *куманами*, но чаще – *половцами* [9, с. 107].

Написанное на языке куманов это произведение состоит из двух частей и отражает не письменную, а разговорную речь того периода.

Первая часть начинается с вступления на латинском языке и включает в себя словарь, написанный в три колонки на трёх языках – латинском, персидском, куманском. Слова расположены в алфавитном порядке. Здесь же показаны спряжения глаголов, имена существительные, прилагательные, местоимения, склонения местоимений, наречия – материал по грамматике куманского языка. В первой колонке 1560 слов, но не все из них переведены на персидский и куманский языки. Далее дан такой же трёхязычный словарь, состоящий из 1120 слов, которые объединены по своему значению в группы, имеющие определённые названия. Семантические группы данных слов включают в себя названия дней недели, месяцев, животных, растений, предметов быта, орудий труда, слова, связанные со временем, природой, хозяйством, занятиями, социальным, государственным устройством куманов и т. д. Около 200 слов этой части «Кодекса Куманикуса» не переведены на персидский и куманский языки.

Как указывал Д.А. Расовский, «латинская колонка... явно говорит об итальянском авторстве этой части кодекса», поэтому «и носит в науке название "итальянской"» [9, с. 107].

Вторая часть произведения, в отличие от первой, не настолько систематизирована и аккуратна, к тому же написана разными подчерками, содержит куманско-немецкий словарь, состоящий из беспорядочного набора слов и фраз. Здесь, как и в «Итальянской» части, встречаются грамматические заметки по куманскому языку. Особое внимание привлекают священные христианские тексты на куманском языке, латинские тексты с куманским переводом и куманские тексты с латинским переводом. В этой же части записаны куманские загадки. Эта часть была названа «Немецкой».

Принимая во внимание явные различия между частями «Кодекса Куманикуса» можно сказать, что обе части представляют собой различные памятники, которые впоследствии были соединены.

До сих пор ведутся споры: кем, с какой целью и когда точно был написан «Кодекс Куманикус»? Вероятнее всего, первая часть, состоящая из трёхязычного словаря, была написана итальянцами, занимающимися торговлей, колония которых была в то время в столице Крыма – Солхате (Эски Къырым – Старый Крым), где итальянцы находились в тесном контакте с персами и куманами.

Судя по содержанию «Немецкой» части, её авторами были миссионеры–францисканцы, целью которых было распространение христианского вероучения среди куманов. Существует мнение, что эти немецкие миссионеры, сшив обе части отредактировали первую, сделав некоторые поправки в куманской колонке словаря [9, с. 108].

На первой странице «Кодекса Куманикуса» дана дата – «11 июля 1303 года». Немецкий учёный В. Банг, исследовавший памятник, считал эту дату днём составления «Кодекса Куманикуса». «Однако, – по мнению Д.А. Расовского, – небрежность записи Кодекса, многочисленные описки, спутывание параллельных слов трёх колонок – всё это заставляет видеть в авторе лишь переписчика, а не составителя Кодекса, и переписчика достаточно безграмотного, плохо знавшего персидский и половецкий языки. С другой стороны, сам словарный материал и его расположение в кодексе позволяют сделать вывод о постепенном собирании этого материала... Итак, дошедший до нас кодекс представляет собою, по всей вероятности, лишь копию с бо-